
СЕМЕЙНЫЕ КОНТЕКСТЫ КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ФРЕЙДА

Структура семьи, эдиповы переживания, отношения с отцом и сводными братьями, рождение сестер и младшего брата, переезд из родного города в другой, более крупный и др. — все это значительные события в детстве Зигмунда Фрейда, которые часто рассматриваются как травмирующие и смыслообразующие пункты в его становлении (см. Джонс, 1996; Krüll, 1992; 1993). Кроме того, сам Фрейд в ходе самоанализа обращался к детским воспоминаниям, позволяющим понять формирование свойств его личности (см. Freud, 1899a; Freud, 1900a).

Семейные контексты создают те матричные основы, на которых кристаллизуются в дальнейшем развитии личностные структуры, включая сюда невротические и психотические образования и перверсные свойства. Семья создает, продолжая некоторые фрейдовские метафоры, внутренний ландшафт, картографией которого являются проявления в сновидениях, фантазиях, аффективных комплексах представлений и различных по масштабу расстройств психической жизни. Это определяет необходимость обращения к анализу семейных контекстов при разрешении вопросов о детерминантах того или иного психического качества. В этом смысле обращение к раннему детству Фрейда, особенностям его родительской семьи и отношений в ней задает некоторую перспективу понимания путей и механизмов как становления личностных особенностей создателя психоанализа, так и специфики мышления, которое выстраивало новую науку.

1. ОТКРЫТИЕ ЭДИПОВОЙ ПРОБЛЕМЫ:
ИНЦЕСТ, ЛЮБОВЬ, СОПЕРНИЧЕСТВО

Многодетная семья, в которой родился и провел свое раннее детство Фрейд, предполагает приобретение множественного по содержанию опыта отношений. В ситуации Фрейда, когда он родился, у его отца уже имелось двое взрослых детей от первого брака. Более того, эти взрослые сыновья — Эмануэль и Филипп — по возрасту были ровесниками новой жене отца. При этом воспитанием Зигмунда занимались несколько женщин в семье: мать Зигмунда, служанка в доме отца и жена старшего сводного брата Мария. Таким образом, психика маленького Зигмунда впитывала специфическую структуру данной расширенной семьи. Он имел три отцовские фигуры: Якоба, отца, и сводных братьев Эмануэля и Филиппа, а также три материнские фигуры: Амалию, мать, служанку и свояченицу Марию. Здесь можно предполагать достаточную трудность в артикуляции отношений и родственных связей в психике маленького ребенка. Он невольно втягивается в инцестуозные переживания и конфликты, что, вероятнее всего, создает условия либо для невротизации, либо для перверсных установок. Многофигурные родительские (в частности, материнские) образы в дальнейшем Фрейд будет анализировать по материалам своих сновидений (Freud, 1900a) и в художественной сублимации Леонардо да Винчи (Freud, 1910c).

Товарищами по играм были племянники Джон, на год старше Зигмунда, и Паулина, младше его на полгода. Именно эти дети Эмануэля были персонажами ранней детской фантазии-воспоминания на загородном лугу (см. Freud, 1899a).

Реконструкция ранних детских событий, которые могли существенно повлиять на формирование как личности Зигмунда, так и особенностей его мышления, что в итоге привело к созданию психоанализа, показывает

картину противоречивых и травматических переживаний (см. Bernfeld, 1946; Krüll, 1992; Dörflinger, 2011).

Так, рождение двух детей в семье Якоба и Амалии Фрейд, которые появились еще в Фрайберге — Юлиуса и Анны, — могло оказать на Зигмунда существенное влияние в нескольких отношениях.

Соперничество

Появление в 1857 году брата Юлиуса, когда Зигмунду было около года, могло остаться в тот момент незамеченным. Тем более Юлиус умер в младенчестве весной 1858 года. Однако надо отметить, что в дальнейшем фрейдовское мышление возвращалось к ретроспективным фантазиям на тему вины за смерть брата, поскольку ему представлялось, что он испытывал ненавистные чувства к появившемуся ребенку-сопернику (см. несколько мест в Freud, 1985c [1887–1904]). Кроме того, отношение к погодку брату могло быть связано с кастрационными фантазиями. Как предполагает М. Крюль (Krüll, 1993), Зигмунд мог быть свидетелем обрезания Юлиуса, совершаемого по еврейским обычаям, когда в городе нет синагоги, непосредственно в доме родителей. Кастрационные переживания для еврейского мальчика, вероятно, оказываются более актуализированными зримым наблюдением за актом обрезания, или фантазиями, подкрепляемыми принадлежностью к еврейской культуре.

Раннее соперничество с ребенком-сверстником, и уже не фантазийное, проявилось также в отношениях с племянником Джоном. Джон фактически мог восприниматься как брат, растущий в расширенной семье и происходящий от любой комбинации родительских фигур. Так или иначе, это соперник в ранних поисках любви, родительского внимания, при этом доминирующий и нападающий. В книге «Толкование сновидений» Фрейд вспоминает некоторые эпизоды из своей детской жизни. В частности, свою иден-

тификацию с тираноборцем Брутом, убившим Цезаря. При этом идентификация с Брутом являлась не только в фантазии, но она осуществлялась в инсценировке, в которой Фрейд участвовал в подростковом возрасте. И здесь он вспоминает об отношениях с племянником Джоном.

«Что примечательно, я действительно однажды сыграл Брута. Четырнадцатилетним мальчиком я ставил перед детской аудиторией сцену Брута и Цезаря из стихотворений Шиллера в союзе с моим племянником, который был годом старше и тогда приехал к нам из Англии, — тоже такой *geveant*, — потому что с ним снова всплыли игры моих первых детских лет. Пока мне не исполнилось три года, мы были неразлучны, любили друг друга и дрались между собой, и эта детская связь, как я уже однажды наметил, определила все мои последующие чувства в общении с ровесниками. С тех пор мой племянник Джон получил очень много инкарнаций, воскрешавших то одну, то другую сторону его существа, неизгладимо зафиксировавшегося в моем бессознательном воспоминании. Должно быть, временами он очень дурно со мной обходился, и я должен был проявлять мужество перед моим тираном, потому что в более поздние годы мне часто пересказывали короткую оправдательную речь, которой я защищался, когда мой отец — его дед — призывал меня к ответу: Почему ты бьешь Джона? На языке ребенка, которому еще не было и двух лет, она звучала так: я его побил, потому (ч)то он меня побил» (Freud, 1900a. S. 427–428).

И далее Фрейд снова замечает о своем племяннике:

«Я уже рассказывал, что все отношения теплой дружбы у меня, как и моя дружба с ровесниками восходят к общению в детстве с моим племянником, который был на год меня старше, он был превосходящим, я рано учился обороняться, мы были неразлучны и любили друг друга, а между делом, как свидетельствуют сообщения старших персон, дрались между собой и — друг на друга жаловались» (Freud, 1900a. S. 486).